

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

© *В.В. Костецкий*

Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 15.04.2022

Опубликована 01.07.2022

■ Для цитирования: Костецкий В.В. Культурологическая картина российской истории // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 2. С. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.4>

Аннотация. При культурологическом подходе история России распадается на три разных истории: история государства, история этноса, история собственно «культуры», — каждая из которых «живет своей жизнью» и в свое время. Русское государство сложилось не вокруг «русского мира», а вокруг «датских денег» IX–XI вв., феномен которых искажает всю картину европейского феодализма. Этническая культура славянства определяется системой табуирования цивилизации в процессе индоарийских миграций, которую можно теоретически восстановить. Что касается «русской культуры», то она исконнее и русского государства, и славянства. Русская культура, «русский дух» имеют отношение к обществу «знати» предшествующих цивилизаций, заимствуя элементы «рыцарства». Наложение друг на друга трех разных историй оборачивается как своеобразием России, так и многими «странностями» в политике, экономике, в ведении войны, в сферах искусства, религии, образования.

Ключевые слова: «датские деньги»; государство; цивилизация; общество знати; военная дружина; рыцарство; пиратство; дух народа; религия; система табу; культура; Русь.

CULTURAL PICTURE OF RUSSIAN HISTORY

© *V.V. Kostetckii*

St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia

Original article submitted 15.04.2022

Revision submitted 01.07.2022

■ For citation: Kostetckii V.V. Cultural picture of russian history. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(2):29–48. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.4>

Abstract. With a cultural approach, the history of Russia falls into three different stories: the history of the state, the history of the ethnic group, the history of the «culture» itself — each of which «lives its own life» and in its own time. The Russian state did not form around the «Russian world,» but around the «Danish money» of the IX–XI century, the phenomenon of which distorts the whole picture of European feudalism. The ethnic culture of Slavism is determined by the taboo system of civilization in the process of Indo-Aryan migrations, which can theoretically be restored. As for the «Russian culture,» it is more original and Russian state, and Slavic. Russian culture, the «Russian spirit» are related to the society of the «nobility» of previous civilizations, borrowing elements of «chivalry.» The overlapping of three different

stories turns into both the originality of Russia and many «oddities» in politics, economics, warfare, in the fields of art, religion, education.

Keywords: «Danish money»; state; civilization; society of nobility; military squad; chivalry; piracy; people's spirit; religion; taboo system; culture; Rus.

*«...самые сокровенные подробности явлений как раз
и заключают в себе их конечный смысл...»*

Ф. де Соссюр

Как известно, римляне изобрели дорогу. В этимологическом словаре М. Фасмера среди других есть такое пояснение дороги: «продранное в лесу пространство». Неплохо, по-русски. У римлян было иначе: это не просто путь из точки А в точку В, а три элемента: мощение, выпуклый профиль и канавы для стока воды. Выпуклый профиль обязателен, иначе вода будет лужами застаиваться на пути. И это логично. Но кто видел бабушкины сундуки в русских деревнях, помнит, что крышка сундуков тоже имеет «выпуклый профиль», несмотря на то, что по сундукам не ездили; на них обычно спали, подстелив тулупчик. Спали с опаской скатиться на пол. Кованый сундук с ручками по бокам долгое время был единственным предметом «мебели», не считая грубо сколоченных стола, лавок и полок. Выпуклый профиль сундука в русских избах — это та «примета из прошлого», которая позволяет правильно определять это самое «прошлое».

К сожалению, вопрос «о судьбе России» возник вне всякого отношения к исторической культуре России: точкой отчета служила соседняя «Европа». С «философических писем» П.Я Чаадаева начались неугомонные споры «западников» и «славянофилов» о том, почему Россия не совсем такая, как Европа. В условной Европе западники видели совершенную цивилизацию, от которой Россия отстала на триста лет из-за татарского нашествия и которую надо догонять по примеру Петра I. Славянофилы видели в дворянском усадебном быте «особый путь» России, особую «благодать» в противоположность «законничеству» западных соседей.

Под благодатью особого пути России представлялся большой барский дом среди собственных лесов, полей, озер и рек: с колоннами, залами, домовою церковью. Детишки воспитываются французскими гувернерами, потом поступают в столичный университет и стажируются за границей. Вся барская семья иногда выезжает в Европу, по дороге заезжая в столицу, где имеется собственный особняк. В Европе русские пересекаются между собой «на водах» и «приемах», радуясь неожиданным встречам и обмениваясь новостями. Финансовых проблем не существует благодаря владению землей и крепостными «душами». Крепостные живут своими крохотными «дворами», выплачивая барам налоги и исполняя ремесленные заказы барских управляющих. Помещики живут интересами столицы и Европы, а крестьяне «миром»: желятся, рожают, ждут праздника, благодарят барина за воскресную милостьню. Одинаково усадебная жизнь простирается на бескрайних территориях, создавая ощущение безопасности и комфорта. Многочисленность населения позволяет иметь большую армию, вызывая уважение Европы и пугая

собственный трудящийся люд. В жизни, таким образом, есть место армии, подвигу и отдыху. Европейски образованная молодежь служит в столице, а на покой отправляется в усадебные имения, где проводит старость в гостях, пирах и утехах. Крестьяне радуются тому, что хоть у кого-то есть такая счастливая жизнь, болеют за своего барина и готовы отдать за него свою маленькую жизнь.

Западники в славянофильском идеале усадебного быта видели негативы: похотливость юнцов и старых крепостников, воровство управляющих, озлобленность и мстительность крестьян, пренебрежение технологиями. А славянофилы ругали Европу за отсутствие «широты души» и предпочитали пользоваться Европой, но не быть ею. В итоге философствующие публицисты и литераторы проспорили, по выражению А.И. Герцена, всю свою жизнь, ни мало не поняв России. После пятидесятилетнего обсуждения «судьбы России» возник термин «русская идея» с подачи Ф.М. Достоевского, и дебаты еще на столетие перекочевали в русло поиска «русской идеи». Идею искали в объединении всего европейского славянства с изгнанием турок из Константинополя, в примирении православия и католичества, в мировой революции и коммунизме, в особом даре к многовекторной цивилизации, в спасении Европы от «бездушности», но идея не спешила являться страждущей русской мысли. Даже своей «русской философии» не получилось создать по типу «классической немецкой философии». Как иронизировал В.С. Соловьев: что в русской философии философия, то не русское, а что русское, то на философию не похоже, и вообще ни на что не похоже. В итоге бессодержательных потуг в понимании судьбы России возникло знаменитое признание Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять...», — в котором вдруг причудилась особая гордость.

Конечно, «не понять», — если искать не там, не в том времени, не на тех пространствах и не ставить никаких вопросов. А вопросы возникают вполне определенные: что значит быть русским? какова реальная религиозность русского народа? в чем специфика русской государственности? является ли, например, Петербург русским городом?

Человека в России признать русским по одним антропологическим признакам не удастся по объективным причинам. И скулы разные, и формы черепа, и пропорции тела, и тип волос, и разрез глаз, и цвет кожи. Русский язык тоже различается по диалектам, да и во времени язык изменяется значительно каждые триста лет.

Что касается реальной религиозности русского народа, то свести вопрос к христианству не получится. Христиане, по определению, это последователи именно Христа: не Адама, не Авраама, не Иоанна Крестителя. Но в русском народном сознании образ Богородицы и святых народу ближе собственно Христа, и даже «дух святой» понятнее всех текстов новозаветного верования.

Русская государственность поражает размерами территории при полном параллелизме народа и государства. Народ безразличен к формам правления, к территориальному устройству, к самоуправлению; сочувствует анархии, но почему-то с готовностью охраняет свои «границы». А генералиссимус А.В. Суворов говорил, что политика в России «тухлое яйцо».

Санкт-Петербург, объявленный Петром Великим новой столицей России, с самого своего возникновения расколол общественное мнение на две непримиримые половины. Для одних город св. Петра есть «окно в Европу», для других — это антихристово изобретение, направленное против православия и народа. Насколько глубоко проблемность Петербурга искажала мировоззрение русского человека, могут свидетельствовать литературные пассажи Ф.М. Достоевского. В «Маленьких картинках», произведении зрелого писателя, есть откровения самого автора: «... Да и вообще архитектура всего Петербурга... всегда поражала меня, — именно тем, что выражает всю его бесхарактерность и безликость за все время существования. Характерного в положительном смысле, своего собственного, в нем разве только вот эти деревянные, гнилые домишки... Что же касается до палацов, то в них-то именно и отражается вся бесхарактерность идеи, вся отрицательность сущности петербургского периода, с самого начала его до конца» [Достоевский, 1993, с. 321]. В конце «Маленьких картинок» Федор Михайлович добавляет мрачной лирики: «Оттого и берет хандра по воскресеньям, в каникулы, на пыльных и угрюмых петербургских улицах. Что, не приходило вам в голову, что в Петербурге угрюмые улицы? Мне кажется, это самый угрюмый город, какой только может быть на свете!» [Достоевский, 1993, с. 327]. Достоевский не скрывал того, что идеологически ненавидит Петербург настолько, что даже шедевры зодчества ему противны, впрочем, как и русские характерные «гнилые домишки».

Понимание Петербурга есть пробный камень для понимания России. Да, по российским меркам это странный город. Расположен на островах, нет крепостных стен, фасады дворцов сливаются между собой, много плацов и казарм, доминируют морской порт и причалы; набережные в чугуне и граните, в архитектуре масса типичных для Европы элементов. Уездные города России не такие, но и Москва не такая, хотя каменной стала не без участия иностранных архитекторов. С другой стороны, Петербург не собственно европейский город подобно прибалтийским столицам, как отмечает Д.С. Лихачев. Исследователь древнерусских памятников культуры пишет: «...многочисленные итальянские архитекторы, работавшие в Петербурге, не приблизили Петербург к типу итальянских городов. Приглядимся внимательнее — и мы увидим, что Петербург вообще не принадлежит к типично европейским городам. Европейские города — это Таллин, Вильнюс, Рига, Львов, но не Петербург. Тем более, он не восточный город. Петербург — русский» [Лихачев, 2004, с. 18]. Возникает парадокс: Петербург и не западный город, и не российский, и не восточный, а исконно русский — то есть какой? С какой точки зрения? — С точки зрения не зримой российской географии, с точки зрения истории «русского духа», которого вовсе может не быть ни в русском государстве, ни в русском народе. Петербург русский город не по резным наличникам и золоченым куполам, а, скорее, по меди музыкальных инструментов и стали морских кортиков. Но откуда они в русском лесном духе?

«Умом Россию не понять» по той причине, что в истории России три разных истории: История государства, История этноса, История культуры, — которые не только не образуют единства, но вообще не пересекаются между собой. Так, истории государства российского, начиная с Рюрика, с десятков веков. Этнической истории населения много больше: двадцать-тридцать веков, если

начинать с индоевропейских миграций и разного рода «великих переселений народов». Культура, заимствованная русским этносом, по своим архетипам уходит вглубь на тысячелетия, к цивилизациям шумерского или, возможно, дошумерского времени. Русская культура не русским государством и не российским населением создана: она заимствована в процессе миграции арийских племен от общества знати ушедших цивилизаций и лишь «отредактирована» группой славянских племен под определенный кодекс запретов.

Термин «культура» в культурологии и «науках о духе» насчитывает сотни определений, и ни одного в связи с феноменом запрета, табу. Даже по документам ЮНЕСКО культура определяется через набор мифов, символов, традиций, ценностей без всякого обращения к запретам. Между тем, в реальном генезисе культуры запрет предшествует позитиву и инициирует его. Например, в древнейшей оппозиции «сырое-вареное» запрет на сырое инициировал не только тепловую обработку продуктов питания, но и такие формы, как вяление или соленье.

Индоевропейские миграции арийских племен двадцать-тридцать веков тому назад сопровождались целой системой табу. Миграция имела векторный характер, от чего-то к чему-то, а именно: прочь от деспотических цивилизаций «Востока» (это Др. Индия, Др. Египет и другие) навстречу освоению свободных ландшафтов Европы. Опыт миграционных потоков, продолжавшихся столетиями, говорил о том, что от городских цивилизаций физически уехать можно, но цивилизация в ее деспотической наглости все равно будет воспроизводиться на новом месте, если не предпринять особых мер. На эту тему есть знаменитая вьетнамская сказка «Убить Дракона», в которой дракон живет на злате: всякий, убивший дракона, превращается в дракона — едва ласково взглянет на драгоценный металл. Индоарии покидали цивилизацию с чувством глубокой ненависти к ней: за деспотизм и произвол власти, за налоги и письменность, за рыночность и ростовщичество, за суды и тюрьмы, за замкнутость городского пространства и отсутствие свободной земли, за карьеризм и коррупцию, за отсутствие достоинства и наглость характеров.

Все древние цивилизации начинались как приключение, а заканчивались утратой свободы, достоинства и наступлением эры всеобщей наглости. Как писал А.Н. Радищев в оде «Вольность»: «О вольность, вольность... но корень благ твой истощится, свобода в наглость превратится...».

Чтобы избежать этой участи на новых землях, арийские племена выработали собственные неписанные правила-табу, неизвестные профессиональным историкам по причине отсутствия «текстов». Но табу не записываются и не произносятся всуе, они исполняются. Траектории их исполнения позволяют теоретически воспроизводить систему табу, именно теоретически.

Во-первых, ради свободы не надо долго жить на одном месте: оседлость сама по себе может привести к цивилизации в разных формах деспотизма. Поселение должно быть временным; жить можно странничеством и даже на колесах: лошадь, телега, кибитка, лагерь — и не одни цыгане тому пример.

Во-вторых, если оседлость оказалась неизбежной, то не надо иметь такой дом, который жалко бросить в момент опасности. Поэтому не надо иметь своего каменного дома, тем более в двух и более этажах. Лучше иметь несколько лошадей.

В-третьих, не надо жить там, где приходится трудиться «круглый год» для того, чтобы просто выжить. Поэтому для жизни надо выбирать либо теплый и влажный климат, либо ландшафт с сезонным характером труда и верным помощником в виде лошади.

В-четвертых, не надо иметь харизматичного лидера. Поэтому должна быть сменяемость правления и методы изничтожения харизмы, например, шутками или игрой.

В-пятых, не надо иметь в своем поселении особой группы вооруженных людей, тем более сконцентрированной вокруг лидера. Поэтому оружие должно быть в каждой семье: пусть даже это будут топоры и вилы.

Миграционные потоки ариев, которые не соблюдали этого «миграционного законодательства», обязательно создавали дочерние цивилизации той цивилизации, от которой бежали. Наиболее известным примером может служить крито-микенская цивилизация — обычный тип дворцовых культур Др. Востока.

В первом тысячелетии до нашей эры Европа была уже полностью заселена арийскими племенами с устоявшимися обычаями, различающимися по сохранившимся формам табуирования. Кельтские и германские племена перешли на деревенский образ жизни, но в каждой семье кто-то из мужчин упражнялся исключительно в военном деле. Племена, заселившие Балканы и Апеннины, занялись возведением на скалистых холмах семейных каменных двухэтажных домов с организацией в них производства товаров на продажу. Как следствие, лошадь потеряла свое харизматичное значение; харизмой стали рынок и денежное обращение. Чтобы не пойти по пути деспотий Др. Востока, жители полиса постоянно что-то табуировали. В Спарте табуировали деньги, комфорт и хозяйственный труд. В Афинах табуировали богатую пищу, дорогую посуду, украшенный интерьер; воспитывали презрение к роскоши. В Риме регулярно издавались «законы против роскоши».

Гражданам античной цивилизации было очевидно, что без табуирования удержать демократии и республики от скатывания к деспотии невозможно. Табу со временем обрели форму «номоса» (закона) и «этоса» (нрава), которые носили очень конкретный характер. Например, во время политической смуты никто не имел права не занимать позиции какой-либо партии, равно как недостойным считалось непосещение общегородского театра. Несмотря на все усилия, Рим из республики все равно превратился в «империю».

Афины и Рим, нарушив запрет на строительство собственного каменного дома, произвели тем самым цивилизацию, которая оказалась уникальной благодаря хорошо осознанному отношению ненависти к деспотии, предположенной Востоком. Деспотизм и его моральный эквивалент — наглость — возникли не вдруг, они выпестованы цивилизациями Востока. Вся культура полиса и республики держалась не на любви к свободе, а на ненависти к деспотии. Ненависть к деспотии, табуируя наглые проявления характеров и уклада жизни, инициировала новую музыку — но не какую угодно; инициировала театр — не какой угодно; инициировала власть — не какую угодно, инициировала религиозную жизнь — не какую угодно, инициировала школу — не какую угодно, инициировала физическую культуру — не какую угодно. Конечно, современный «потребитель» не сразу может понять,

например, как ненависть может инициировать музыку, хотя для понимания достаточно обратиться к феномену рок-музыки. Вся культура западного типа цивилизации сформировалась в качестве «светофора» — давая путь одним страстям и запрещая другие. Запреты торили дорогу к свободе. Так, например, считалось, что бедным быть постыдно, а жадным позорно — для эллина. В результате под запрет попадали и бедность, и жадность, а результирующая выводила на культуру в области образования и политики. Например, за растрату наследства полагалось заключение под стражу: то есть умножать и сохранять наследство можно, а растрачивать нельзя, табу.

Предки славянских племен точно так же отличались ненавистью к деспотиям Востока, как эллины и римляне, кельты и германцы, но сумели полностью удержать табуирование цивилизации при переходе к деревенскому образу жизни. Они не строили каменных домов, не разрешали родственникам превращаться в воинов, селились там, где «один день год кормит», не терпели «царьков» ни в семье, ни в своей деревне. В XIX веке Ф. Энгельс искренне полагал, что родовой строй, в частности, германцев, предшествует цивилизации. На самом деле родовой строй и германцев, и славян возник после миграции ариев из цивилизаций Др. Востока при установлении деревенского образа жизни на малозаселенных территориях Европы и соблюдении определенных табу.

Изначально предки славян предпочитали степные и лесостепные ландшафты по обе стороны северного Причерноморья, однако со временем заняли территории много севернее с максимально густыми лесами и заболоченными территориями — как раз ради соблюдения табу на цивилизацию. По мере роста воинственности германских племен славяне нашли особый способ самообороны — переход в лесную зону с устройством «засек». Засеки представляли собой поваленные крест-накрест деревья, которые широкой полосой преграждали коннице германцев и пехотинцам Рима любые передвижения. Границу, таким образом, сторожил лес с небольшими «дозорами».

Народы Древнего мира долгое время избегали лесного ландшафта, предпочитая степь и саваны; по этой причине лесистая и холодная Европа была малозаселенной. Для славян лес, по сути, стал государством со своим уставом. Лес охранял, лес требовал четкого исполнения сезонных работ (грибы, ягоды, охота, рыбалка, сенокос, бортничество); лес воспитывал и образовывал. Например, благодаря ландшафту в славянской культуре не было абстрактного понятия «время» — были понятия «срок», «черед», «пора». В. Даль приводил поговорку: «Дураку что ни время, то и пора». Хронологическая триада «срок-черед-пора» вместо понятия «время», появившегося только после изобретения механических часов с циферблатом, вводила мировосприятие в сторону конструктивной технологичности мышления.

В славянских лесных поселениях, защищенных «засеками», все хозяйственные постройки имели принципиально «временный характер»: их не жалко было бросить в случае прорыва засек любым неприятелем. «Гнилые домишки», по выражению Ф.М. Достоевского, бросали, унося с собой только сундуки, в которых были топор, пила, игла, ткани и запас теплых вещей. На случай сырой погоды крышки сундуков имели выпуклый профиль. На новом месте возводили из подручного леса небольшие избы из расчета два дома за одно

лето двумя мужиками. Дома и стояли чаще всего напротив друг друга, давая начало улице (улица — два ряда домов лицом друг к другу).

В культурном генезисе славянства лесу принадлежит выдающаяся роль. Лес выступал не только заступником людей и воспитателем конструктивного склада ума, но и условием правильно организованного досуга при сезонном характере труда. Сезонный характер труда в лесном ландшафте обусловил образ жизни по принципу битва-пир, характерный для военной дружины. При сезонных работах действительно «один день год кормит». Июньский сенокос мало чем отличается от битвы; все работы авральны, от зари до зари. Жара, гнус, пот, тяжелый физический труд, — надо успевать, пока стоит погода. Вся деревня месяц пребывает в атаке сенокоса или полевых работ. Люди, кони, косы, вилы. А между сезонными работами благодать: гости и застолье; пир с медовухой, игрищами, весельем. Исследователь рыцарского менталитета Франко Кардини отмечал, что пир отличается от любого застолья тем, что у всех присутствующих картины прошедшей битвы стоят перед глазами; именно яркие моменты боя порождают эпическое красноречие пирующих. Точно так же в славянских застольях трудовой энтузиазм сезонных работ порождал в периоды застолья разговоры о случившихся «приключениях»: смешных и трагичных, удалых и нелепых.

Особо следует обратить внимание на «культуру винопития». В лесном ландшафте Европы ни винограду, ни злакам особого места не было; соответственно, не варили пиво и не готовили вино. За счет бортничества изготавливали медовуху: слабоалкогольный напиток, который употреблялся при гостехождении. Пить полагалось много, ковшами, но с одним ограничением: после испитого нельзя покоиться. Исполнение этого табу было реализовано в форме так называемых «игрищ», которые особо впоследствии запрещались церковью — во вред здоровью, но в угоду тихой «духовности». Игрищами были катания на саях ватагой, качания на качелях в подпитии, битвы «стенка на стенку» забавы ради, прыганья через огонь и множество плясок с акцентом на физическую удаль. Простое правило: чем больше пьешь, тем больше двигаешься, — приводило метаболизм к здоровой норме. Тяжелый труд, но на свежем воздухе и «на себя», долгий досуг между сезонными работами в форме праздничного застолья и игрищ — все это за столетия лесной жизни сформировало из славян здоровый этнос с рослыми и гармонично развитыми мужчинами и женщинами. Естественно, что при таких условиях славянское население быстро росло и расселялось по «медвежьим углам» лесной Европы.

Славянская культура носила «мирный» характер довольно условно. А именно: славяне избегали войны за счет внезапного для неприятеля перехода на другую территорию. Вызов на битву могли принять, но за ночь оставить свои домишки и оказаться в недосягаемых урочищах. При этом еще и веселиться. Славяне договаривались воевать в ответ на вызов германцев, но срывали договор и скрывались от войны в бескрайних лесах и болотах. В мирное время ритм и темп жизни был по типу военной дружины: битва и пир. Славянство не было «крестьянским». Во времена авральной «битвы» забывали про пир, а на пиру забывали про труд. Фактически в славянстве практиковались измененные формы сознания, характерные для воинских культур: эпический энтузиазм сменялся лирическим вдохновением. Промежуточное состояние сознания

принимало форму «лени»; лень тоже измененное состояние сознания, причем в некотором роде космическое, надбытийное.

«Лень» представляет собой редкостный тип измененного состояния сознания, который был осознан только в восточных типах «медитации» и в христианском «исихазме». От семи древнегреческих мудрецов идет совет: «Покоем пользуйся». Но при «нормальном состоянии сознания» достичь настоящего покоя — исихии — трудно: отвлекают забота и ответственность за текущие дела или, напротив, легкомысленные позывы. Измененное состояние сознания под условным названием «лень» необходимо для выстраивания таких этно-ландшафтных отношений, при которых появляется синергия этноса и ландшафта в соответствии с пословицей «по щучьему велению, моему хотению» или «в своем доме стены помогают», «утро вечера мудренее». А. Шопенгауэр подобную практику называл «пассивным субъектом познания»: идеи сами приходят к энтузиастам. В позднем средневековье синергия людей и обстоятельств практиковалась в протестантизме под видом «удачи» и «успеха». На Руси в той же роли всегда был старый «авось».

Славянская религиозность формировалась на основе синергии этно-ландшафтных отношений. Смысл этой синергии, то есть содействия или, по латыни, кооперации, в том, что ландшафту не безразличен тот народ, который его населяет. Ландшафт не является только географической поверхностью, но представляет собой некий субъект со своей биосферой, климатом, этносферой и ноосферой. Сообщество людей, населяющих ландшафт, тоже образует субъект — «коллективную личность» — который и называется «народом». Народ — это не множество людей, определяемое переписью населения, а единственный субъект, образовавшийся однажды в определенном ландшафте. Отношения между субъект-ландшафтом и субъект-народом довольно иррациональны, поскольку основаны на симпатии и синергии. Как, например, можно любить пустыню? Но арабы любят. Как можно любить голую степь? Но казахи любят ее. Как можно любить тундру? Но оленеводы любят ее. Как можно любить морозные зимы? Но сибиряки любят. В ответ на благодарственную любовь ландшафт проявляет свои охранные функции: нужными колебаниями погоды; востребованными миграциями рыб, птиц, зверей. Например, при развилке реки косяк рыб стоит перед выбором: свернуть влево или вправо — косяку все равно: людям не все равно. Ландшафт выводит косяк рыбы из «точки бифуркации» в зависимости от этнического «чувства родины» либо к желанным людям, либо прочь от нежеланного народца. Субъектность ландшафта в сознании народа предстает в форме мифологии: «духи местности», «нечистая сила». Народная религия возникает как дипломатия с трансцендентальной субъектностью ландшафта: с благодарением за удачу и со страхом потерять удачу. Славянам было что терять. Религия — это не «вера в сверхъестественное», а знание трансцендентальных возможностей «ландшафта» и реальная дипломатия субъекта-народа с субъектом-ландшафтом.

Любая народная культура образуется из двух составляющих: во-первых, субъектных отношений этноса и ландшафта, закрепленных в традиционных формах быта и промысла, и, во-вторых, элементов дворцового образа жизни, заимствованных от общества знати предшествующих цивилизаций. Все остальное: мифы, символы, обряды, традиции, культы, — существует «потом».

В обществе знати всегда есть военно-рыцарская составляющая. С началом цивилизации рыцарство возникает закономерно. Это связано с тем обстоятельством, что строительные работы цивилизации всегда принимают характер гигантомании, при которой у части свободного мужского населения появляется состояние безумной скуки. Когда скука начинает грозить реальным безумием, группа молодых людей отправляется на поиски опасных приключений. В поисках приключений есть много характерных элементов: покинуть дом, сменить ландшафт, «мигрировать», рисковать жизнью, обживать новые территории на стоянках. В приключениях есть свой закон: чем больше рисков, тем больше собственно приключений. Естественно, что стычки военного характера выходят на первое место. С появлением практики добровольных поединков начинается история феномена под условным названием «рыцарство». Появляется «кодекс чести», который исходит из того, что честь дороже жизни со всеми ее, жизни, коннотациями: здоровья, долголетия, комфорта, семьи, счастья. Ради чести нельзя в поединке убивать в спину, нельзя убивать безоружного, слово надо держать, друга защищать, быть верным предводителю. Наличие чести проверяется в моменты смертельной опасности, которых сознательно ищут ради самопознания в себе «настоящего мужчины».

По мере развития цивилизации феномен рыцарства проходит три стадии. На первой стадии рыцарство имеет «варварский» характер: это военные вылазки и походные застолья с полным пренебрежением к своей телесности и гигиене. На этой стадии рыцари горделивы, но вонючи. На второй стадии облаченная в яркие доспехи дружина уходит в поход и по возвращению во дворец организовано пирует месяцами исключительно мужским сообществом. На третьей стадии, «куртуазной», после военного похода мужские пиры сменяются совместными трапезами мужчин и женщин: с сервировкой стола, костюмированием одежды, с обязательным флиртом и танцами, — в итоге развития куртуазности возникает «галантный век». По мере того как цивилизации смещаются к деспотии, от рыцарства остается только «этос»: представление о чести, о благородстве, о справедливости, о честности — так появляется в народе архетип «правды».

Все арийские племена, мигрирующие в Европу, не оставили без внимания элементы рыцарства, характерные для начального периода цивилизаций Востока, но потерявшие смысл в период деспотизма фараонов, раджей, шахов, ханов, султанов, каганов.

Германские племена заимствовали раннее рыцарство: жизнь ради военной славы, в поиске опасных приключений, при варварстве походной жизни. Кельтские племена, расселившиеся по всей Европе, включали в свою этническую культуру элементы дружинного рыцарства и создавали по всей Европе квази-государственные образования. Эллада и Рим создали особую государственность на основе признания царского достоинства за каждым домовладельцем, в чьем доме осуществлялось товарное производство и содержалось оружие. Античный домовладелец был и рыцарем, и буржуа в одном лице. Причем, то и другое надо было доказывать личным примером. Славянские племена, бежавшие в леса под натиском военной угрозы, «уходили в поход» вместе с женщинами, так что изначально обрекались по пришествию на новое место жительства на традиции галантного рыцарства в условиях совместного

досуга при сезонном характере труда. Деревенский образ жизни сохранялся, но сквозь деревенский быт просвечивал аристократизм дворцовой жизни былых времен.

В любом так называемом «родо-племенном строе» культура насыщена элементами «общества знати» прошлых известных и неизвестных цивилизаций, которые сохраняются избирательно, чем и определяется «дух народа». «Дух народа» есть историческое понятие, а не метафора или мифология. Французский историк Фернан Бродель определял «дух народа» как «неподвижную историю». Дух народа формируется исторически, но раз сформировавшись, сохраняется в веках неизменным. Есть «германский дух». Есть «еврейский дух». Есть «дух Чингиз-хана» у тюркских народов. Есть «русский дух». Не все народы имеют свой ярко выраженный «дух народа». Психология населения (социальной группы, отдельного индивида) может не совпадать с духом своего народа, может и совпадать с духом другого народа. Поэтому ничто не мешает, например, еврею быть русским поэтом или русским художником, а цыгану быть лучшим исполнителем русской песни. Точно так же во многих русских людях может не быть русского духа. Нередко в произведениях русских литераторов, художников, архитекторов, композиторов, режиссеров нет и следов русского духа. В российской школьной программе нет «русского духа» — и никогда не было, о чем печалился еще Л.Н. Толстой в своих педагогических сочинениях [Толстой, 1989, с. 215–216].

Русская культура — это культура с «русским духом», а «русский дух» есть наследство «общества знати» очень древних цивилизаций, причем с упором на рыцарство «галантного века». Наличие галантной стадии рыцарства в истории русской культуры определяется просто — по специфическим признакам. Одним из наиболее убедительных признаков является феномен русской бани. Дело в том, что банные комплексы с неспешными ритуалами формируются исключительно в условиях «общества знати» на стадии появления феномена «роскоши». Роскошь не просто требует особых трудозатрат, но и особых потребностей, связанных с социальной иерархией и практикой куртуазных отношений. В условиях раздельного общения мужчин и женщин роскошь не возникает. Сам феномен роскоши обязан своим происхождением социальному институту гарема, типичному для восточных цивилизаций. Именно в гареме зародились такие формы культуры, как музыка, сказка, танец и собственно «баня». Баня с ее громоздкой технической оснащённостью возникает на пике гаремной культуры и свидетельствует о том, что роскошь в обществе знати становится «предметом первой необходимости».

В русской культуре все ее ипостаси имеют «дворцовый характер» и происходят из «общества знати» исчезнувших цивилизаций. Духовность основана не на религии, а на «правде» — этом специфическом феномене исторической памяти народа, восходящего к понятию чести в рыцарской культуре ранних цивилизаций. Из архаичных феноменов «правды» и «чести» образовалось понятие «совести», — очень важное для формирования морали мировых религий. Не случайно в этике мировых религий рыцарских коннотаций более чем достаточно.

История русской государственности к собственно русской культуре не имеет никакого отношения. Это совсем другая история, другая эпоха, другой

«дух времени». Для понимания этого факта достаточно сравнить разные типы образования «государства».

Греко-римская цивилизация образует социальный институт государства посредством особого поселения людей. В особом поселении возникает особый тип дома. В древнегреческом языке жилой дом сохранял санскритское обозначение «домос», а жилой дом, совмещенный с мастерской, стал называться «экос». «Экос» — это такое строение, которое представляет для семьи своеобразный «замок», внутри которого есть личная «фабрика» с семейным предпринимательством. В греко-римской истории экос вытеснил домос, с чего и началась «западная цивилизация». Предприниматели, проживающие с семьей в «замке-фабрике», имели общие проблемы градоустройства, которые решались общим собранием. Собрание решало проблемы хозяйствования, судебных разборок, военные вопросы, — оно и было «государством». Эффективность такого «самоуправления» впоследствии привела не только к авторитетности государственных решений, но и к самосознанию избранности своего пути развития, отличного от «варварства» деспотичных цивилизаций всего древнего мира.

Цивилизации Др. Востока, которые скатились к деспотии, зачинались не с деспотии. Гигантомания каменных и земляных хозяйственных работ вытала из своей среды группу молодых мужчин, которые переходили к военно-приключенческому образу жизни, со временем образуя «военную дружину». Восточное деспотичное государство образовывалось не вокруг особого типа поселения-полиса, а вокруг военной дружины, которая начинала контролировать территорию с наличным населением. По мере захвата других территорий появлялся феномен роскоши, который оборачивался пренебрежением к любым формам демократии.

Государства раннесредневековой Европы возникали тоже вокруг дружины, контролирующей определенную территорию со своим населением. С этого начинался европейский «феодализм». Чем больше было воинов под началом предводителей дружины («герцогов»), тем больше была территория феодалов. При стремлении закрепить территорию феодала за определенной дружиной возникали договорные отношения между «герцогом» и населением, которые привели к возникновению государства германского типа. Смысл «общественного договора» был в том, что население «кормит» дружину, а дружина не пускает на «свою» территорию другие военные дружины, так же стремящиеся к «кормлению» за ее счет. В этом и состоял смысл «государства» в средневековой Европе. К концу первого тысячелетия нашей эры дружина стала закрепляться на земле, а символом европейской государственности стал рыцарский замок с упорядоченными вокруг него земельными отношениями.

Европейские демократии как тип государства стали возникать с XI века, с появлением на дальних углах феодалов поселений нелегального типа, упрямых от чужих глаз насыпным валом — бургом. В результате оттока мастерового населения «за бург» возникли крохотные городки, в которых компактные дома в двух этажах примыкали фасадами плотно друг к другу. На втором этаже жила семья мастера, на первом была его мастерская; в мансарде ютился ученик-подмастерье. Внутри бурга между соседями возник рынок, причем настолько эффективный за счет семейного производства и отсутствия

конкуренции, что товары пришлось развозить по всему феоде и вывозить за его пределы. Жители бургов получили прозвище «бюргеры» («буржуа»), которые противопоставлялись прочему населению феода. Естественно, что феодал пытался обложить самопальные городки данью, на что жители бургов отреагировали обращением к своим номинальным «королям», предлагая им деньги. Короли деньги брали охотно, выдавая «иммунитетную грамоту», дающую право городкам жить на территории феода, но не платить налоги своим феодалам. Феодалы приходили в ярость, но король взятку от бюргеров тратил на наемную армию, и феодалы вынужденно подчинялись. А городки с иммунитетной грамотой стали называться «республиками» и зажили своей буржуазной жизнью под защитой подкупленного короля. Феодалы вынуждены были в целях посредничества между королем и бюргерами создать при короле свой совещательный орган — парламент. Жители республик, в свою очередь, потребовали тоже ввести их в парламент, после чего в Европе сложилась двухпалатная система законодательной власти. По мере роста финансового благосостояния городов-республик и, соответственно, финансирования королевской власти, сеньориальная монархия превратилась в абсолютную монархию, сведя роль парламента к нулю. Сместив короля и разорив феодалов, бюргеры после серии буржуазных революций образовали свой тип государства с парламентом и опорой на армию, который получил условное название «западная демократия».

В северной Европе процессы созидания «западной демократии» отсутствовали. После падения Римской империи инициатива цивилизационного развития перешла к германским племенам центральной Европы. Образование феодалов, ведение феодальных войн, наконец, появление относительно устойчивого распределения территорий под водительством крупных военных дружин привели к тому, что ландшафты Европы стали приобретать благоустроенный вид: замки, поля, рощи, пасущийся скот; развивались торговые отношения с Востоком ради предметов роскоши. Но в стороне остались Скандинавия и север Европы. Нищета северного населения при наличии роскошных элементов жизни более южных соседей привела к феномену морского разбоя. Мера была вынужденной: Скандинавия жила натуральным хозяйством. Ради привлечения в семью денег возникла практика посылки в морской поход одного из сыновей. Отсутствие военной подготовки привело к особому способу изъятия денег у благополучных жителей Европы: ночью нападали на населенный пункт и зарубали топорами все население поголовно, причем с демонстративной жестокостью по отношению к младенцам и беременным женщинам. Из имущества ничего не брали. Через месяц являлись в соседние населенные пункты с предложением «добровольно» выплатить запрашиваемую сумму, чтобы не повторился кошмар месячной давности с их соседями. Триста лет западная и южная Европа вместе с Британией платила людям Севера «датские деньги», включая смелого короля Ричарда Львиное Сердце. Разбойный промысел получил название «викинг» [Гуревич, 2007, с. 124]; так и говорили: «ушел в викинг». Отпор викингам дали только мавры, обладавшие хорошим флотом и военной выучкой [Арбман, 2006, с. 144].

Преступный промысел викинга был настолько успешным, что на европейском Севере стали возникать поселения пиратов по типу большого города: со

своими мастерскими, верфями, металлургическим производством, питейными заведениями, гаремами. Пираты группировались в союзы, устраивали между собой разборки и вынашивали общие планы. Фактически шло образование государственности по типу Др. Спарты: илотами должно было стать все население феодальной Европы.

Претензии пиратского квази-государства в IX–XI вв. простирались до Средиземноморья: в Сицилии возникла собственная база скандинавского пиратства. На территории будущих Дании и Норвегии столетиями шло формирование двух центров североευропейского пиратства. Причем, в истории цивилизаций пиратство не следует принимать за случайный элемент; в пиратстве рыцарство и деспотия реинтегрируются в образ жизни со своей формой государственности. Претензии пиратской государственности всегда глобальны: они не ограничиваются удовлетворением насущных потребностей. Рыцарство требует славы за счет обложения данью как можно больших территорий, а деспотия требует демонстративной роскоши. За три столетия своего успешного существования североευропейское пиратство настолько окрепло, что оказалось способным к вынашиванию глобальных планов собственной цивилизации. Для этого надо было иметь собственное островное государство, с территории которого вся Европа была бы «как на ладони», в «шаговой доступности» пиратскому флоту. На эту роль более других подходили Британия — занятая под Англию — и, в перспективе, Сицилия. Система рек позволяла связать Северное и Балтийское моря с морями Средиземным, Черным и Каспийским. Атлантический океан на западе и Днепр с Волгой на востоке замыкали границы пиратских интересов.

Днепр представлял собой самую удобную транспортную артерию на восточном фланге северного пиратства. Окольным путем можно было попасть в южную Европу, не испытывая сопротивления со стороны славянских племен. Славяне охотно вступали в отношения обмена с северными «путешественниками», варягами. Помогали латать и перетаскивать суда, чинить оружие, обеспечивали продовольствием, радовались заморским товарам. Славяне избегали жить по берегам судоходных рек, но устраивали на них «гостища» и «погосты» — для гостей в значении «купец». Пиратская политика в отношении славян была мирной, поскольку грабить особенно было нечего, а дорога по славянским территориям дальняя. Из симбиоза североευропейского пиратства и славянства сложился особый тип государственного образования с названием Русь. Аналогичный симбиоз скандинавского пиратства и кельтского населения складывался в Ирландии, то есть это было довольно типичное для пиратства явление.

Русь была восточным тылом датско-скандинавского пиратства, причем славянство использовали «втемную». Само слово «викинг», означавшее вид позорного промысла с убийствами и грабежами, у славян приобрело значение доброго и смелого «гостя», купца-воина. У пиратов действительно были черты рыцарского поведения, близкие славянам: смелость, щедрость, веселость, — но это не мешало им в своем промысле быть профессиональными убийцами. Часть славянского населения реально втягивалась в викинг, поэтому «норманнская теория» происхождения государства российского оказалась в положении бесконечной полу-правды. Суть вопроса не в том, германец ли «Рюрик» или

славянин, а в том, что все первые «рюриковичи» были не феодалами центральной Европы, а пиратами с долгой пиратской историей. Пираты хотели жить как феодалы, но феодалами быть не спешили.

В европейском феодализме была стойкая прививка от Римской империи: система управления, система дорог, система землепользования, писаное право, контрактная армия. В противоположность римским традициям, пиратская квази-государственность держалась на ручном управлении и авторитете вождя; о контрактной армии не могло быть речи; в дорогах не было необходимости. Вместо дорог пиратство рассчитывает на водные артерии и прямо заинтересовано в том, чтобы при грабежах и поборах населения оно не могло быстро скрыться по хорошим дорогам вглубь несудоходной территории. Симбиоз датско-скандинавского пиратства и славянства на территории восточной Европы мало что изменил в пиратских обычаях: пираты оставались пиратами при как бы феодальном образе жизни.

На территориях «русской земли» симбиоз пиратства и славянства привел к возникновению шизоидных ситуаций. С одной стороны, славяне табуировали пиратство как таковое, как противное чести и «правде». С другой стороны, пираты не могли перестать быть пиратами. Из шизоидной ситуации был один компромиссный выход — посредством совместного принятия подходящей религии. В таком случае славяне отказались бы от «правды» («чести», «справедливости», «вкуса» — все это грани одного архетипа) в пользу чуждого верования, а пираты отказались бы от разбоя на чужих территориях; «датские деньги» собирали бы со своего населения под любыми предлогами, в том числе религиозными. С принятием христианства сложившееся квази-государство Русь обрело четкие контуры государства. При этом четкие контуры потеряло все остальное: феодалы были не совсем феодалами, народная «правда» не совсем правдой, славяне не совсем славянами, религия не совсем религией. Неизменным на века осталось одно: из территории «русской земли» выкачиваются «датские деньги», которые в территорию и население не вкладываются, а «пускаются на ветер» по давним пиратским устоям. Пираты не могут не пить и не пускаться в загул, спуская все деньги, — этой стойкой традиции тысячи лет, и она не так проста, как кажется. Князь Владимир не капризы выставлял фразой «без вина не можем быти», а указывал на канон пиратского образа жизни.

Русь не превратилась в восточную деспотию, но не стала и западной демократией. Аналогичная история в свое время произошла в Др. Спарте. Древняя Спарта — это одно из самых чудачливых государств в истории Европы. Оно не является сословным, кастовым, классовым; в нем не шли процессы дифференциации единого общества «по стратам» — оно изначально двомирно. В спартанском государстве древний архетип рыцарства вдруг вышел на первое место; такое впечатление, что государство создано юнцами за один подход. Пришли молодой дружиной или «спецназом», стали лагерем, бескомпромиссно указали местному населению его место, и стали жить обычной армейской жизнью: с казармами, столовыми, солдатским юмором, равенством в боевой подготовке мужчин и женщин. Спартанцы ревностно относились к своему досугу: это музыка, танцы, эпос, мифология. Именно в Спарте, по мнению Плутарха, стали собирать олимпийскую мифологию и «гомеровский эпос». Капитализированные эллины за пределами Спарты долгое время вообще чуждались досуговой

культуры, пока не позаимствовали из соседней Фракии дионисизм и не переняли традиции Спарты. Без Спарты Ликурга не было бы Афин Перикла. Религией Спарты был героический эпос с рыцарским этосом в центре внимания, а война была не более, чем культовым времяпровождением. Спартиатам было все равно с кем воевать, лишь бы воевать — ради самопознания. Реальным противником были не люди, а те страсти, которые противились рыцарскому этосу в самих спартиатах: трусость, жадность, подлость, лживость, жажда славы чужими руками или за чужой спиной. В культе войны воевали-то с пороками собственной души — и побеждали их. Странные были времена почти три тысячи лет назад. Разговоров о душе было мало, а дел много. Историки умудрились назвать спартанскую государственность «военной демократией», а илотов «рабами». Но властью, «кратией», был не демос, а этос — рыцарский кодекс чести в чистом виде. «Государственные рабы», как говорят об илотах, это и совсем пустой термин. Да, илоты жили под оккупацией, под «железным занавесом», были зависимым населением, но они не были рабами и даже крепостными не были. Сложилось два мира: илоты жили экономикой и платили налоги, спартиаты жили военной дружиной за счет налогов, — и эти миры старались лишний раз не пересекаться.

Древняя Русь сложилась тоже как двоемирие, только славяне не были «илотами», а пираты «спартиатами». Кодекс рыцарской чести оказался в обратном порядке: славянство знало «правду», пиратство знать ее не желало. Два мира оказались на одной территории. Посредническую роль должен был сыграть какой-то социальный институт типа школы, армии. Реально таким институтом стали не школа или армия, а церковь — изобретение Др. Востока. Смысл князевладимирского «крещения Руси» не в религии, а в воцерковлении: поэтому религия могла быть любой; пиратскому лукавству Владимира более подошло византийское христианство. Византийская церковь во главе с императором разрывала все этноландшафтные отношения, на которых держится народная религия, а храмовое монументальное строительство в гигантских размерах создавало зримый образ единого государства. На Руси каменные многоярусные храмовые сооружения, совершенно чуждые лесному славянству, позволяли решать многие проблемы двоемирного государства: экономические, идеологические, военные. Русское государство без появления церкви как сильного хозяйствующего субъекта существовать в качестве именно государства в принципе не могло — как капитализм без банков. Церковь с ее монументальным храмовым строительством служила посредником между славянством и княжеским пиратством, прикрывая собой пиратскую сущность «князей» и паразитируя на славянской духовности. Поэтому насильное «крещение Руси» наглым пиратским князем действительно явилось аккредитацией социального института под названием «государство».

После крещения Русь представляла собой региональное государственное образование, будущее которого во многом зависело от того, насколько последовательной будет авторитарная церковь в своей политике христианизации населения. В случае крепкой церковной власти Русь превращалась в обычную деспотию восточного типа с военно-теократической формой правления. В случае неудачи церковного строительства альтернативой служило возвращение Руси в орбиту скандинавского пиратства на правах крепкого тыла. Обе стратегии

развития Руси устраивали Ярослава Мудрого и поддерживались им. Выдавая дочерей за монархов феодальной Европы, Ярослав был особенно заинтересован в том, чтобы выдать одну из них за своего земляка-скандинава, который был бы перспективным лидером датско-норвежского пиратства. Таким оказался Харальд Сигурдарсон, имевший не только сильные позиции во всей Скандинавии, но и опыт пиратства в Сицилии и службы наемником в Византии. Несмотря на сопротивление Елизаветы, брак состоялся. Правда, «королева Норвегии» в браке едва дожила до тридцати лет. Судя по прозвищу Хардрод — Жестокий, норвежский зять Ярослава Мудрого отличался отменной кровожадностью, которую планировал конвертировать в амбициозные планы. Действительно, объединив в общую флотилию более трехсот пиратских судов Норвегии, Харальд Сигурдарсон по прозвищу Хардрод двинул армаду на захват Англии, однако при высадке на берег погиб 25 сентября 1066 года. Через три недели Англия была атакована пиратской флотилией с другой стороны, «французской». Завоевание прошло успешно, и победитель получил к имени Вильгельм приставку Завоеватель.

Новый повелитель Англии первым делом, расправляясь с северными конкурентами, добил скандинавское пиратство, а затем взял курс на феодализм по образцу центральной и южной Европы, редактируя феодальные отношения местного населения. Возникли поучения нового воинства: «Остерегайся грабежа и воровства, прелюбодеяния и блудодеяния, куртизанок и азартных игр, словоблудия и дерзости, самонадеянности и зависти к деньгам... приглашений на утренние и ночные попойки... остерегайся судить другого за его спиной и льстить в глаза, чтобы обмануть; остерегайся праздности... а также сквернословия всякого рода» [Кардини, 1987, с. 146–147]. Англия не хотела быть пиратской, стремясь к здоровому феодализму южной и центральной Европы.

Что касается Руси, то лишившись своих побратимов в лице норвежских претендентов на завоевание Англии, она осталась на периферии датско-скандинавского пиратства, которое по историческим меркам перестало существовать. Соответственно, Русь выпала из общеевропейской истории.

Вопрос о возврате к рыцарской, анти-пиратской этике в русском княжеском окружении даже не стоял. Негодяи типа князя Владимира, насилующего женщин, включая беременных, убивавшего друзей из корысти и забывавшего расплатиться с наемной дружиной, стали вечным проклятием России. Триста лет народ помнил злодеяния Владимира, пока не появились при татарском нашествии русские сказки про трех богатырей и доброго киевского князя Красное Солнышко, которые официальная историография соотнесла с началом российского государства. Н.М. Карамзину пришлось ни мало собраться с духом, чтобы написать: «Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир <...>. Счастливым для народа правлением загладил свою вину...» [Карамзин, 1987, с. 114]. По поводу «крещения Руси» Н.М. Карамзин не забывает добавить, что только богу известно, что двигало князем: вера или честолюбие. Скорее всего, что ни то, и ни другое, если следовать логике событий. Когда кн. Владимир вводил культ Перуна, это было реформированием религии. Когда же он «крестил Русь», то это было событием совсем иного порядка: князю нужна была не религия, а церковь — мощная организация со строгой

дисциплиной и социальным влиянием; форма религии первоначально вообще не имела значения. Довольно примечательно, что убиенных сыновей Владимира Бориса и Глеба церковь канонизировала сразу, но не Владимира, внимание на которого обратила только Екатерина Вторая — по идеологическим соображениям.

Пиратство, романтический образ которого создан литературой, это мощный архетип цивилизации, который повреждает дух любого народа своей наглостью. В пиратстве есть боевой дух, но без рыцарства. Пиратство может быть государственным, как, например, каперство. Пиратство может создавать квази-государства. Пиратство может быть успешным. Но пиратство не способно создавать искусство, право, мораль, систему сложных экономических отношений. При этом пиратство способно развивать науку и технику, причем в ускоренном режиме.

После Вильгельма Завоевателя в Британии сложился «англосаксонский дух», в котором навечно впечатано присутствие пиратского духа, несмотря на все предпринятые усилия. Но в Европе сохранилась и ненависть к пиратству как нечестному пути, который должен оставаться вне закона. Глубинная культура Европы на века оказалась расколотой не столько по экономическим или национальным признакам, сколько по отношению к пиратскому архетипу цивилизации: быть ему или не быть в европейской культуре. Противодействие пиратству не только укрепило феодализм, но во многом способствовало его становлению. На Руси доминанта скандинавского пиратства всегда препятствовала феодализму, удерживая русское государство в тисках восточной деспотии, причем благодаря искусственной заботе об авторитете церкви.

Россия с «рюриковичей» застряла в пиратском архетипе, не имея при этом поддержки в славянстве. Рюриковичи в течение нескольких столетий не были собственно феодалами в полном смысле этого слова. Для феодала важно вступить в договорные отношения с населением феода; для рюриковичей территория с податным населением была просто одной вещью — «княжением». В княжении есть земли, воды, небеса, леса, рыбы, птицы, звери, славяне, инородцы — но это все одна вещь «княжение», объект стяжания всех княжеских отпрысков. При доминировании пиратского духа феодалу не приходится в голову заключать договоры с рыбами, птицами, зверями и, соответственно, с населением. Славяне для рюриковичей изначально представляли собой часть ландшафта вместе со всем зверьем. Пиратство «негуманитарно», но ничего удивительного в этом нет. Пиратская доминанта в экономике страны не требует ни рабства, ни феодализма, ни капитализма, она требует одного: выкачивания денег из страны при любом типе хозяйствования.

Термин «выкачивание» представляется метафорой, между тем он понятийно точен: его нельзя заменить словечком «налоги». Экономичность налогов основана на договорных взаимовыгодных отношениях, в противном случае следует говорить о «дани», «уроке», «кормлении». «Датские деньги», которыми Европа откупалась от пиратства, не были «налогом», были «мздой». Историк-медиевист А.Я. Гуревич, уделяя пиратству внимание в отличие от многих из своих коллег, тоже использует термин «выкачивание» по отношению к «датским деньгам» в Западной Европе [Гуревич, 2007, с. 123]. Русское государство возникло не вокруг военной дружины, не вокруг поселения, а вокруг

денег — «датских денег», выкачиваемых с территории без различия этнического состава населения и состояния экономики. Для Российского государства совершенно все равно, каков этнический состав страны, какова титульная нация, каковы принципы территориального деления и наличие или отсутствие самоуправления. По большому счету, все равно; не все равно только одно: чтобы у власти и церкви были деньги. Часть денег идет «на оборону», часть превращается в «сокровища», часть «идет на ветер»: пьянки-гулянки-похвальбу, — обязательный архетип пиратской культуры.

«Умом Россию не понять» — с точки зрения нормальной экономики, нормальной морали, нормального права, нормального обывателя. «Русскую идею» искали полтора века, так и не нашли. Потому что искали ее в качестве государственной, а русское государство сложилось вокруг «датских денег», а не вокруг «русского мира». Есть ли вообще «русская идея», а если есть, что в ней русского? По крайней мере, в русском государстве собственно русского нет ничего. Не случайно опытный дипломат Ф.И. Тютчев писал на смерть Николая Первого: «Не Богу ты служил и не России... Все было ложь в тебе и призраки пустые».

В вопросе Ф.М. Достоевского: «А есть ли «русская идея»?», — может быть смысл, но только далекий от собственных размышлений писателя. Православие тут не причем, равно как и империя. Русская идея может быть в том, чтобы поверить в человечность рыцарского духа, воспитать в нем население независимо от этнической принадлежности и привести государство в соответствие воспитанному в рыцарской культуре народу.

«Русская идея» есть, но упрятана глубоко в недра поврежденной цивилизации. Смысл ее в том, что цивилизация существует не ради экономики, не ради науки или искусства, не ради комфорта или продления жизни, а ради того, чтобы человек осознал и реализовал одну идею: честь дороже жизни во все времена и во всех отношениях и сферах деятельности. Все, чем занят человек, есть всего лишь средство проверить себя «на честность». Смешно? Наивно? Глупо? Но так по-русски. Есть честность в бою, есть в искусстве и науке, есть в религии, есть в карьере, есть в бизнесе. Отсутствие честности при достижении цели есть суть пиратства, наглость. Наглость разрушает цивилизацию, а без рыцарства наглость ненаказуема: в этом все дело. Надо не «раба из себя выдавливать» по совету русской литературы, а воспитывать ненависть к наглости, где бы она не вила себе гнездо: в государстве, в профессии, в экономике, в семье, в самом себе. Наглость должна вызывать гнев. «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса!», — любили в Древней Спарте Гомера и приучили любить всех эллинов.

Список литературы

1. Арбман Х. Викинги. — СПб.: Евразия, 2006. — 269 с.
2. Бердяев А.Н. Философия свободы. Смысл творчества. — М., 1989. — 608 с.
3. Грабарь И.Э. О русской архитектуре. — М.: Наука, 1969. — 423 с.
4. Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. — СПбГУ, 2007. — 352 с.
5. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Рассказы. — М., 1993. — 509 с.
6. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991. — 511 с.
7. Карамзин Н.М. Предания веков. — М.: Правда, 1987. — 765 с.

8. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
9. Лихачев Д.С. Раздумья о России. 2-е изд. – СПб., 2004. – 654 с.
10. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. – М., 1989. – 542 с.
11. Юности честное зеркало: репр. изд. – М.: Планета, 1990. – 88 с.

References

1. Arbman H. Vikingi. St. Petersburg: Evraziya, 2006. 269 p.
2. Berdyaev A.N. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Moscow, 1989. 608 p.
3. Grabar' I.E. O russkoj arhitekture. Moscow: Nauka, 1969. – 423 p.
4. Gurevich Y.A. Izbrannye trudy. Drevnie germancy. Vikingi. St. Petersburg, 2007. 352 p.
5. Dostoevskij F.M. Zapiski iz mertvogo doma. Rasskazy. Moscow, 1993. 509 p.
6. Zelenin D.K. Vostochnoslavyanskaya etnografiya. Moscow: Nauka, 1991. 511 p.
7. Karamzin N.M. Predaniya vekov. Moscow: Pravda, 1987. 765 p.
8. Kardini F. Istoki srednevekovogo rycarstva. Moscow: Progress, 1987. 384 p.
9. Lihachev D.S. Razdum'ya o Rossii. 2-e izd. St. Petersburg, 2004. 654 p.
10. Tolstoj L.N. Pedagogicheskie sochineniya. Moscow, 1989. 542 p.
11. Yunosti chestnoe zercalo: repr. izd. Moscow: Planeta, 1990. 88 p.

Информация об авторе

Виктор Валентинович Костецкий, доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru

Information about the author

Victor V. Kostetckii, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru